

лет

МЫ ПОБЕДИЛИ

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

С раннего утра 22 июня 1941 года в Ленинграде стояла удивительно теплая, тихая и солнечная погода. Красота, тишина и спокойствие. Если бы не самолеты. Тревожно ревя моторами, они беспокойно носились над городом. Но люди думали, что идут учения.

Единый экзамен

Мы, трое студентов пединститута имени Герцена, Леша Курчаев, Витя Ярошик и я, собрались на последний экзамен за третий курс по методике математики. Общежитие, где мы находились, стояло во дворе института, идти недалеко. Вдруг из черной тарелки репродуктора громко прозвучал голос диктора: «В двенадцать часов слушайте выступление Молотова». Трагическим голосом Молотов сообщил о начале войны. Слова Молотова поразили нас. Рухнуло все: надежды, планы, привычный образ жизни, повседневные заботы. Да и сама жизнь уж более не принадлежала нам. То, чего мы более всего опасались, стало зловещей действительностью. Но мы твердо верили: враг будет неминуемо и скоро разбит. Не видя ничего под ногами, мы поднялись на третий этаж учебного корпуса. В длинном коридоре находилось человек двадцать студентов. Я громко, на весь коридор прокричал: «Товарищи! Началась война с Германией!...»

Мы вошли в аудиторию, где шел экзамен по методике математики. Пожилой, высокий, худощавый и очень строгий доцент Крогиус никак не отреагировал на наше сообщение о войне. «Берите билеты», — спокойно, буднично сказал он. Экзамены мы все трое сдали на «отлично».

Хотим на фронт!

И вот война. Мы, студенты физмата, решили идти в Куйбышевский райвоенкомат. Но тут появился работник военкомата, который объявил, что все студенты института должны

вен делать эскарпы по бокам траншеи, чтобы не осыпался песок. Девушек поставили на рытье противотанкового рва. Норма в двадцать бревен оказалась очень трудной. В первый день до темноты никто ее не выполнил. Работать пришлось по двенадцать часов. Уставали мы невероятно, но со временем втянулись и стали выполнять норму засветло. Все бы ничего, да сильно одолевали комары и мошкара. Никуда от них не денешься. Но где же обещанный фронт? Мы стали требовать у полковника, руководившего работами, отправки на фронт. А после поездки двоих студентов в Ленинград за мылом и их сообщения о том, что по городу пройти невозможно: каждый встречный возмущается, почему здоровые парни не на фронте, мы пригрозили полковнику забастовкой, если не отправит нас на фронт. И все же нам пришлось проработать почти месяц, пока не выполнили всю работу. Один раз на нас сбросил бомбу пролетавший немецкий самолет. Страшно было, но никто не пострадал.

Двадцать третьего июля мы уехали в Ленинград и на другой день по прибытию пошли в военкомат. Наши товарищи оказались в пехотном училище, а мы — в третьем артиллерийском. Когда нас отвели в баню, мы помылись и переоделись в курсантскую форму. После этого никак не могли узнать друг друга. Но вскоре без труда, даже со спины, стали узнавать любого. По возвращении в училище нас поделали по взводам и батареям, показали спальни и повели строем в столовую. Обед нам понравился:

впервые в жизни обрел непромокаемую обувь.

Трудная подготовка

На следующий день полный распорядок дня, с пяти утра и до отбоя в одиннадцать часов. Зарядка, пробежка по набережной Невы, завтрак и десять часов занятий с небольшим перерывом на обед, а вечером два часа самоподготовки. Дыхнуть некогда, надо за четыре месяца освоить трехгодичную программу. На практических занятиях орудийный расчет в восемь человек должен, как игрушку, катать, разворачивать и приводить в боевое положение двенадцатитонную пушку. Снаряд сорок три килограмма весит, а стальные сошники, что вставляются в концы станин, по сто килограммов. Да его, этот сошник, надо еще громадной кувалдой забить в землю. Не высыпались, все тело болело. Когда в четыре утра водили строем в баню, мы научи-

лись, как бы не опоздать на фронт, а то без них и война закончится. Вскоре эти ополченческие дивизии постигла горькая участь. Ими заткнули образовавшиеся на фронте прорехи и без пользы погубили.

Политработники тоже рассказывали нам о положении на фронтах. В основном о том, какие города сдали немцам. Быстрое продвижение фашистов тревожило, возмущало и удивляло нас. Приученные к победным кинофильмам и песням, мы не могли понять, как случилось, что немцы уже нацелились на Москву.

... Уже в первые месяцы войны более миллиона наших воинов погибло, около одного миллиона, оставив тяжелое вооружение, выбиралось из окружений, а более трех миллионов попало в немецкий плен. Откуда нам тогда было знать, что именно нам придется в последующие годы в кровопролитных боях брать каждый город,

карабины. И хотя нам напомнили известную солдатскую притчу о том, что раз в год стреляет и незаряженная винтовка, один курсант, сидя на нарах в товарном вагоне, во время чистки карабина случайно застрелил соседа. Это была первая смерть, которую мы увидели.

На станциях, как и в мирное время, продавали в бумажных кулечках северные ягоды: морошку, чернику, голубику. Нам это было в диковинку, и мы с удовольствием лакомились ягодами. Привезли нас под Кострому и разместили в казармах выехавшего на фронт запасного полка. Распорядок дня сохранился таким же напряженным, как и в Ленинграде. Брат прислал последнее письмо с марша к месту боя: идем громить фашистов! Это без оружия-то, как я узнал потом. Больше от него писем не было.

В течение сентября, октяб-

собраться на следующий день в восемь часов во дворе в пиджаках, с ложками, кружками и туалетными принадлежностями. Будут отправлять на фронт. Мы обрадовались. Утром нас повели строем на Финляндский вокзал, посадили в поезд и повезли к Выборгу. Разместили в сосновом лесу, в готовых шалашах. Покормили из полевой кухни. Показали вырытую траншею и сказали: каждому парню в течение дня свалить, очистить от ветвей и порезать на части двадцать сосен. Солдаты будут из этих брев-

обильный, вкусный и сытный. Невольно каждый про себя порадовался: слава Богу, хоть о пище насущной теперь не надо заботиться. Да и обмундирование выдали добротное, хотя не шерстяное, хлопчатобумажное, но новое и прочное. Цвета хаки. Порадовали нас и кирзовые сапоги. Тяжеловаты по сравнению с тапочками, но ноги в них ставились на землю прочно и основательно. Так и «печатали» шаг, того и гляди, сами вперед понесут. А самое главное их достоинство — ни в каких лужах не промокали. Я

лился на ходу спать. Просыпаясь, когда утыкаешься в остановавшегося впереди идущего. В одно из воскресений меня выпустили сбежать в институт за письмами. Брат писал из Подмосковья, что добровольно вступил в народное ополчение. Настроение бодрое, патристическое, ждут отправки на фронт, хотя воевать еще не научились, да и оружия не было. Политруки настраивали их, семнадцатилетних, на скорое истощение ресурсов у врага, а там и побить фашистов будет нетрудно. Молодые ополченцы

каждый взгорки, без особого труда занятые фашистами в сорок первом.....Август в упорных занятиях промелькнул для нас, курсантов училища, мгновенно. Училище эвакуируют в Кострому. Все имущество училища мы перевезли на Финляндский вокзал и погрузили в эшелоны. Третьего сентября нас северной дорогой в товарных вагонах повезли в Кострому. Только миновали станцию Мга, как немцы заняли ее, и Ленинград оказался в блокаде. На дорогу, на всякий случай, нам раздали старые польские

ря и ноября мы упорно овладевали артиллерийской наукой. Пятого декабря нам присвоили звания лейтенантов, навесив в петлицы по два кубика. 480 выпускников отправили на фронт, а 20 отличников, особенно физически крепких и политически благонадежных, оставили для отправки в Оренбург на курсы летчиков-наблюдателей. После обучения мы должны будем с самолетов и воздушных шаров корректировать артиллерийский огонь по вражеским позициям. В первых числах января сорок вто-

МЫ ПОБЕДИЛИ

рого года мы оказались во Второй Чкаловской военной авиашколе. В первую же ночь нас обокрали. Вместо наших длинных, из плотного сукна, артиллерийских шинелей повесили на вешалки просвечивающие, коротенькие шинелишки с авиационными эмблемами. Так мы потом и ходили в них всю зиму. В Чкалове занятия тоже проводились по плотному графику. Кроме правил стрельбы с самолета и навигации, замучила нас "морзянка". По шесть часов занимались ею, натошак вместо зарядки, до и после обеда и на ночь. Так в ушах и звенело "ти-та-ти-та-та-та", и кисти рук болели от работы на клюке.

Не прошло и месяца, приезжает Ворошилов. Вместе с начальником училища они собрали нас, человек двести, из разных артиллерийских училищ, в зале, и маршал, одетый в солдатскую шинель, объявил нам: спускаем вас с небес на землю и возвращаем в полевую артиллерию. Все ранее выпущенные летчики-наблюдатели

погибли, потому что у нас нет надежных и маневренных разведывательных самолетов, таких, как немецкая "рама". Не хотим более напрасно людей терять.

И нас отправили в 25-й запасной артполк, который находился в Гороховецких лагерях под Горьким. Вот там мы познали в полную меру, что такое голод и холод. В землянках длиной в сотню метров и с двумя воротами на концах на двухэтажных нарах в два ряда размещалось по тысяче человек. У каждого широкого выхода стояло по печурке из железной бочки. Печки раскалены докрасна. У солдат, которые в поисках тепла окружали печки, дымились шинели и мерзли спины, а в землянке замерзала вода. На двухэтажных, из голых горбылей, нарах, тянувшихся вдоль стен, постелена солома. Мы, человек пять, ложимся на эту, перебитую в пыль солому, на правый бок вплотную друг к другу и накрываемся пятью шинелями. Потом все по команде поворачи-

ваемся на другой бок. Так и вертимся, почти не засыпая, целую ночь.

Среди лейтенантов нашей группы оказался молодой московский артист. Он сразу вошел в контакт с латышками-официантками, которые обслуживали шесть офицерских столовых. И мы впятером умудрились шесть раз завтракать, пять раз обедать и были голодными, потому что шестьсот граммов хлеба на день получали только в одной столовой, а в остальных хлебали слегка замутненную горячую жижу. Большинство солдат и офицеров, обитавших в лагерях, рвались на фронт с единственной целью — поесть досыта. Некоторые солдаты не выдерживали такой жизни и, стоя ночью в винтовкой на посту, стрелялись.

В конце февраля нашу группу вызвали в Москву, в отдел кадров Московского Военного округа. Там нас распределили по воинским частям. Нас, троих лейтенантов, направили в Коломну, в формируемую там 52-ю стрелковую дивизию.

Меня — на должность адьютанта командира 1028 артиллерийского полка. Солдат кормили очень скудно, офицеров немного посытнее, но все равно мы не наедались. И прикупить съестного было негде. Народ жил бедно. Поэтому, когда появилась первая травка в поле, меня чуть не до смерти напугали мои солдаты. Веду взвод строем по полевой дороге на занятия, и вдруг они без всякой команды с моей стороны, как при бомбежке, внезапно бросились врассыпную и стали ползать по траве. Я испугался и не пойму, в чем дело. Оказалось, солдаты увидели на обочине дороги какую-то съедобную траву, и все разом бросились рвать и кушать ее. Все занятия мы проводили без материального обеспечения. Хорошо, что мне пришла в голову мысль: занять в колхозе четыре тележных передка и привязать к ним поперец поленья. Получилась четырехорудийная батарея. Оглобли служили станинами, а к орудийным стволам-поленьям пристроили са-

модельные "прицелы". Всю боевую подготовку расчетов я проводил на этих "орудиях".

Настоящие гаубицы мы получили в городе Данилово, куда нас перевезли перед самой отправкой на фронт. На них мы потренировались дня два. А первые выстрелы сделали уже по немцам под Ржевом 26 июля сорок второго года. Эти выстрелы чуть не оказались для нас последними.

...Вот так для нас, ленинградских студентов, началась война. Многие из нас после войны не вернулись в стены родного института. Но ценою невероятных усилий, страданий, лишений, голода, страха и крови вместе со своим народом мы выстояли, остановили, а потом и разгромили проклятого врага — немецких фашистов.

Отрывки из книги выпускника П.А.Михина "Война, какой она была".

Материал и фотографии предоставлены Музеем РГПУ им.А.И.Герцена

личности времени

ПОЭТЫ ВОЙНЫ

Среди питомцев педагогического института имени А.И.Герцена было немало выпускников, приглянувших на верность перу литератора и журналиста. Есть имена более известные, менее известные - в масштабах всей страны, конечно, а не в пределах областей и краев, где пишущие профессионалы буквально наперечет.

Вот, скажем, профессор-востоковед Л.М.Демин, большой знаток Индонезии, Юго-Восточной Азии, умелый популяризатор науки. Вот литературовед и критик А.Эльашевич. Они прошли дорогами войны, военный опыт во многом сформировал их как ученых, литераторов, но прямое, самое непосредственное отражение биографий, в том числе и военных, мы всё-таки находим преимущественно у поэтов: Павла Шубина, Леонида Хаустова и Анатолия Чепурова. Если бы у герценовцев не было больше в активе ни одного литератора, то творческой славы названных трех мастеров поэтического слова хватило бы вполне!

В коротком юбилейном материале нет смысла вникать во все биографические подробности. Скажем одно со всей уверенностью: пединститут на набережной Мойки все трое избрали не случайно, педагогическая и общеобразовательная, особенно полученная в стенах вуза подготовка, ими высоко ценилась, чувство гордости за то, что они герценовцы, их не покидало никогда.

Павла Шубина как самого старшего по возрасту я, конечно, лично знать не мог, но мне о нем столько рассказывали и Хаустов, и Чепуров, что иногда кажется, что я знал лично и его. Закончивший пединститут до войны, Шубин неожиданно быстро сам превратился из ученика в учителя, в поэтического наставника, сам стал вести литературные кружки и консультации при Дворце пионеров (ныне - ДК имени Ленсовета), при редакции газеты «Смена», при Дворце пионеров, а впоследствии - до окончательного пе-

реезда в Москву - и в родном институте.

Леонид Хаустов - выпускник незабываемого военно-блокадного досрочного выпуска зимы 1941 года. Он единственный, кто поведал о своем родном институте поэтическим пером: поэма «Опасная сторона», в первую очередь ее строфы, посвященные институтской библиотеке, Госкомиссии по приему выпускных экзаменов, стали подлинно классическими и неповторимыми.

Сколько мне приходилось читать строк воспоминаний о похожих ситуациях, например, о сдаче экзаменов в подвалах, при налете немецких бомбардировщиков, когда преподаватель и студент вынуждены были кричать, чтобы услышать друг друга, все эти факты были по-своему поучительны, познавательны, но такого душевно отклика, как звучащие слова Хаустова, не вызывали. Невольно думаешь (в который уже раз) о чудотворности поэтического голоса. Были у Хаустова и стихи об институте, но они по сравнению со строфами поэмы терялись.

Анатолий Чепуров, до войны не успевший получить высшего образования, вынужден был учиться заочно, тем более, что уже у него, молодого офицера-фронтовика пошли творческие дела, немало времени и сил отнимала общественная работа в Ленинградской писательской организации (она тогда именовалась Ленинградским отделением Союза писателей СССР), да и тяжелое ранение давало о себе знать.

У него, конечно, контактов со студентами и преподавателями было меньше, но тем не менее самым духом герценовцев он, как мне лично не раз

говорил, «напитался на всю жизнь». Прежде всего это проявилось в жгучем пристальном интересе к детской литературе, которой он, став уже руководителем секретарата правления, уделял неизменно особое внимание и, я бы сказал, относился к ней душевно.

Мне, как его помощнику, не раз приходилось участвовать в подготовке сообщений, докладов, обобщении материалов не только о детской литературе, но и о педагогике, о делах школьных в целом, и я всегда чувствовал искреннее волнение своего старшего товарища: мир детства был ему дорог и близок, хотя собственно педагогом и даже литературным наставником он не стал. В отличие от Шубина и Хаустова кружков не вел, индивидуальной постоянной работы с начинающими авторами не проводил, но как критик внимательно следил за новинками и с большой радостью давал дорогу тем из начинающих, кто был ему особенно близок. Помню, с каким творческим подъемом он писал предисловие к первому сборнику стихов поэта-рабочего Анатолия Белова, к коллективному сборнику юных художников и поэтов «Первые строки, первые этюды», который мне посчастливилось готовить в Лениздате.

А вот Хаустову довелось (правда, немного) и на чисто учительской ниве потрудиться:

На фото: Павел Шубин (слева), Леонид Хаустов (справа).

после тяжелого ранения на Ленинградском фронте он получил право долечиваться в родном селе Новотроицком Кировской области, куда были эвакуированы ленинградские школьники, почти все уже сироты. Юный офицер и педагог был для нас и учителем, и вожаком, и просто старшим братом. Недаром, вернувшись в еще блокадный Ленинград (с огромным трудом уприсил это сделать начальников разного рода), он приступил к работе в Радиокomiteе именно в детском отделе и тут же организовал лит-кружок при Дворце пионеров.

Среди его учеников тех лет - Юрий Воронов и Олег Шестинский. Оба они говорили мне о несомненном педагогическом даре своего Леонида Ивановича, о том, что остались благодарными ему на всю жизнь за школу, за выучку, за уроки любви к литературе, за постижение мастерства.

Об этих трех поэтах-фронтовиках-герценовцах я не раз писал как критик. Хаустов и Чепуров стали моими героями

в документальном телефильме «Сорок первый наш год призывной...» (фильм, по инициативе режиссера В.Ф.Окунцева, был назван этой строчкой Чепурова). А сейчас в радиодикле «Память сердца» о каждом из трех я поведал в больших радиопередачах в составе программы «Город и горожане», которую ведет Елена Воробьева.

Рассказывая и о других героях нашего цикла, мы неизменно обращаем внимание на их образование, воспитание, на их литературную учебу. Были среди них и подлинные самоучки: например, Павел Булушев стал профессиональным журналистом и поэтом, имея за плечами лишь девятилетку довоенного образца? Но, во-первых, тогда отлично учили (было кому учить), а во-вторых, Булушев — у нас все-таки исключение из общего правила. Все остальные закончили вуз, а то и не один! И все же наши три герценовца стоят в особом ряду — так много дал им педвуз на набережной реки Мойки!

Николай СОТНИКОВ